

issledovanija v Azove i Nizhnem Donu v 1991 godu. Vyp. 11. Azov, 1993. S. 240—250.

7. Bronevskij V. Istorija Donskogo kazachestva. Ch. I. Spb.: Tipografija Jekspedicii Gosudarstvennyh bumag, 1834. S. 118 – 126.

8. Men'shikov D.N. Bоевая sila armii M.B. Sheina v Smolenskom pohode 1632–1634 godov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2. 2008. Vyp. 4. Ch.1. S. 10–16.

9. Dik N.F. Zagadki pisem Alekseja Sheina // Dik N.F. Tajny vekov. Istoricheskaja fantastika: rasskazy i povesti. Rostov n/D.: BARO-PRESS, 2011.

10. Mogil'nikov V.A., Shein A.G. Pervyj russkij generalissimus Aleksej Semenovich SheIN. Tverskoj voenno-istoricheskij internet-centr. URL: <http://www.history.tver.ru/cr/shein.html>.

11. Suhareva O.V. Kto byl kto v Rossii ot Petra I do Pavla I. M., 2005.

12. Shikman A.P. Dejatel'nye otechestvennoj istorii: biograf. spravochnik. M., 1997. URL: <http://www.history.tver.ru/cr/shein.html>.

13. Koroljov V.N. Starye Vjoshki: Povestvovanie o kazakah. Rostov n/D.: Kn. izd-vo, 1991. S. 73.

14. Vzjatie Azova. URL: wordweb.ru/2008/11/20/vzjatie-azova.html.

15. Krejs K. I. Jekstrakt iz zhurnala, derzhannogo ot gospodina vice-admirala Krejsa, na puti iz Moskvy na Voronezh, s Voronezha v Azov, na Taganrog i k Kerchi, a ottudy paki nazad k Azovu... 1699 // Zapiski Gidrograficheskogo departamenta Morskogo ministerstva // per. P. Larionova. Spb.: V Morskaja tipografija, 1850. T. 8. S. 367—394. URL: <http://memoirs.ru/texts/Kreis1850.htm>.

16. Rjabov S.I. Istorija rodnogo kraja: kn. dlja uchitelja. Volgograd: Nizh.-Volzh. kn. izd-vo, 1988. S. 20.

17. Pis'ma i bumagi Imperatora Petra Velikogo. T. 8. Vyp. pervyj. M. – L.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1948. S. 80–81 (№879).

18. Svatikov. Rossija i Don (1549 – 1917). Izd-e Donskoj istoricheskoi komissii. Vena, 1924. S. 145.

To the history of the Starogrigorievsky Cossack town

There is considered the material about the time of origin and destruction of the Starogrigorievsky Cossack town.

Key words: *Starogrigorievsky town, Commander M.B. Shein, vault of monuments, caravan, Generalissimo Aleksey Semenovich Shein, Razin, "Journal", Vice-Admiral K. Kruis.*

(Статья поступила в редакцию 4.08.2015)

В.В. ВИНОГРАДОВ
(Волгоград)

МАНИФЕСТ ОТ 17 ОКТЯБРЯ 1905 г.: ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА И СОДЕРЖАНИЕ (из истории российского конституционализма)

Рассматривается вопрос о месте Манифеста от 17 октября 1905 г. в системе юридических актов монархической России. Определяется его правообразующая сила для конституционного законодательства России начала XX в.

Ключевые слова: *конституционализм, конституция, манифест, основные государственные законы, права человека, гражданские свободы, император, Государственная дума.*

В начале XX в. происходила модернизация государственно-правовой системы России. Это был правовой вариант модернизации с попыткой сохранения преемственности. К моменту политического реформирования общества в России в начале XX в. система демократических постоянных ограничений государственной власти реально еще не сложилась. Фундаментальные гражданские и политические права и свободы личности как неотъемлемая часть конституционализма не были юридически закреплены и, так или иначе, часто попирались властью. Вместе с тем уже были заложены экономические и иные условия для введения в стране конституционного строя.

Иногда встречается утверждение о том, что один из первых принятых правовых актов, закреплявших конституционные идеи, царский Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 г. [3] стал конституцией страны. Это неверно, т.к. он сам по себе непосредственно не создал перехода от самодержавия к ограниченной монархии. Однако Манифест предпринял его. Ведь, в конечном счете, такой переход находился в прямой зависимости от созыва Государственной думы. До первого заседания Думы у императора еще сохранялись законодательные полномочия в полном объеме, и, следовательно, он был вправе отменить Манифест от 17 октября 1905 г. Юридически же

днем перехода России к конституционному строю следует считать день, когда собралась Первая Государственная дума.

Император Николай II принял Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 г. в результате срыва выборов и созыва «булыгинской» законосовещательной Государственной думы, под воздействием Всероссийской политической стачки, а также под сильным давлением некоторых членов царской семьи и ряда сановников, среди которых особо необходимо отметить С.Ю. Витте [16; 20; 25; 32]. Царь был вынужден публично «даровать населению незабываемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов» [4]. Эти положения впервые провозглашались в российском законодательстве (хотя и не совсем верно относить вышеперечисленные права к «основам гражданской свободы», поскольку речь шла о политических правах).

Главной уступкой со стороны императора явилось обещание учредить выборный законодательный орган – Государственную думу, а также наделить избирательными правами по мере возможности «те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав», предоставить «дальнейшее развитие начала общего избирательного права» [17]. В Манифесте от 17 октября 1905 г. декларировался переход к конституционному монархическому правлению с однопалатным представительным законодательным органом. Также говорилось, что выбранные от народа должны иметь возможность участвовать в надзоре за законностью деятельности правительства.

Дело в том, что царь официально провозглашал права российских подданных и начало построения конституционного строя, но не гарантировал их реального осуществления. Манифест от 17 октября 1905 г. декларировал «эволюцию формы правления Российского государства от абсолютной к конституционной монархии» [15, с. 86]. Хотя за сравнительно короткий период император принял целый ряд указов [5; 6; 7; 8; 9; 10], значительно увеличивавших политическую и личную свободу российских подданных [18; 19], следует согласиться с А.Д. Степанским в том, что последовавшие после издания Манифеста от 17 октября 1905 г. законодательные акты ограничивали права и свободы достаточно узкими рамками [30, с. 179].

Тем не менее нельзя не отметить большого общеполитического значения законодательных нововведений. Их можно рассматривать как определенный успех оппозиционного и революционного движений. Так, уже после издания Манифеста интенсивно пошел процесс формирования системы политических партий в России [23, с. 58]. Прав Б.А. Кистяковский в том, что Манифест «не состоит из законодательных норм», что видно из текста самого документа: «На обязанность правительства возлагаем Мы выполнение непреклонной Нашей воли», и дальше перечисляется то, что должно быть еще выполнено. Это показывает, что «еще должны быть изданы законы, путем которых осуществлялись бы указанные в манифесте принципы» [24, с. 521]. Таким образом, положения Манифеста стали юридически значимыми лишь после внесения изменений в Свод основных государственных законов, что и было сделано царем 23 апреля 1906 г. [1; 2].

Встречающиеся утверждения, будто Манифест стал конституцией страны, думается, преувеличены [28, с. 294; 29, с. 95, 98]. Он сам по себе непосредственно не создал перехода от самодержавия к ограниченной монархии, но как бы предрешил его. Этот переход находился в зависимости от созыва или несозыва Государственной думы, т.е. фактического положения вещей [26, с. 107].

В Манифесте «Об изменениях Учреждения Государственного Совета и пересмотре Учреждения Государственной Думы» от 20 февраля 1906 г. [3] сформулирован, как подчеркнул В.М. Гессен, основной принцип конституционного государства [21, с. 631]: «... мы постановляем впредь общим правилом, что со времени созыва Государственного Совета и Государственной Думы закон не может воспринять силы без одобрения Совета и Думы» [3]. На этом основании Н.И. Лазаревский делает вывод, что юридически днем перехода России «от самодержавного режима к конституционному» следует считать день, когда собралась Первая Государственная дума (т.е. 27 апреля 1906 г.) [26, с. 107], ибо до первого заседания Государственной думы у императора еще сохранялись законодательные полномочия в полном объеме, и, следовательно, он был вправе отменить свой же Манифест от 17 октября 1905 г. Потому внесение императором изменений в Основные государственные законы в апреле 1906 г., до начала работы Первой Государственной думы (многими со-

временниками расцененные как отход от положений Манифеста от 17 октября 1905 г.), было актом вполне законным и, исходя из ситуации в стране, вполне оправданным. Этим предотвращалась возможность обострения ситуации в случае жарких дебатов в Думе по поводу Основного закона страны.

Положения октябрьского Манифеста 1905 г. и февральского Манифеста 1906 г. были фактически заменены (или отменены) статьями Основных государственных законов от 23 апреля 1906 г. [1]. В свою очередь, положения манифестов, которые вошли в Основные государственные законы в новой редакции, после начала первого заседания Государственной думы могли быть изменены в установленном законом порядке и уже не могли быть отменены единоличной властью императора.

Рассматриваемое положение о том, что никакой закон не может быть принят без одобрения Государственной думы, определило, какой нормативный акт следует считать законом, а также зафиксировало верховенство закона над другими нормативными актами. К тому же здесь можно увидеть в известной мере провозглашение принципа разделения властей, что выражалось в разграничении законодательной и исполнительной властей, означавшем, по мнению В.В. Леонтовича, переход к конституционному строю [27, с. 440]. Так, Манифест от 17 октября 1905 г. закреплял право «выборных от народа» участвовать «в надзоре за закономерностью действий постановленных от Нас властей». Это означало провозглашение принципа ответственности министров перед парламентом за правомерность своих действий.

В Манифесте от 17 октября 1905 г., вследствие неразвернутости его содержания, не были затронуты все вопросы, связанные с последующим государственным строительством Российской империи на конституционных началах. В рассматриваемом акте в отношении ряда важных вопросов существуют пробелы и недоговоренности. К примеру, если затронуть прерогативы Государственной думы, то полным молчанием обойден вопрос о бюджетных правах представительного органа. Среди перечисленных «основных гражданских свобод» отсутствует такой существенный конституционный принцип, как неприкосновенность частной собственности. По точному замечанию М.К. Башаратьян, в Манифесте от 17 октября 1905 г. говорится не о свободе мысли, а о свободе совести как об одном из начал

«незыблемых основ гражданской свободы» наряду с неприкосновенностью личности, свободой слова, собраний и союзов. Свобода мысли в этом документе не упоминается [14, с. 21]. Отсутствовало и такое демократическое право, как равенство всех перед законом, на что обращали многие исследователи [15, с. 87]. Однако следует согласиться с Б.А. Кистяковским, что о «правах человека и гражданина» у нас можно говорить только начиная с Манифеста 17 октября 1905 г. [24].

Юридическая квалификация актов, подобных Манифесту от 17 октября 1905 г., отличается определенными трудностями. Дело в том, что Манифест не укладывался в традиционные рамки позитивного права, поскольку отражал намерение осуществить определенные действия, но не сами эти действия. В статье 53 Свода основных государственных законов в редакции 1892 г., посвященной классификации российских законов, сказано: «Законы издаются в виде уложений, уставов, учреждений, грамот, положений, наказов (инструкций), манифестов, указов, мнений Государственного Совета и докладов, удостоенных Высочайшего утверждения» [11]. Получается, что Манифест является разновидностью закона. Но формально он не ограничил самодержавие, поскольку создание выборного представительного органа только предполагалось.

Однако Николай II, дав в нем торжественное обещание следовать конституционному выбору, уже не мог легко от него отказаться. Поэтому можно согласиться с утверждением Р.М. Дзидзоева о том, что «власть русского императора, оставаясь неограниченной *de jure*, после 17 октября 1905 г. оказалась ограниченной *de facto*» [22, с. 112].

Не будучи законом в классическом смысле, октябрьский Манифест 1905 г. обладал огромной правообразующей силой. Все последующее конституционное законодательство России своим развитием обязано главным образом ему. Он не был конституцией и даже конституционным законом, а по своим юридическим характеристикам походил на так называемые европейские конституционные хартии [12; 13], получившие распространение в эпоху конституционных преобразований, предусматривавшие участие народа в законотворчестве и подтверждавшие права человека. Манифест от 17 октября 1905 г. стал первым документом всесословного характера, ибо в нем провозглашались основные политические права и свобо-

ды, формально предоставляемые всем российским подданным вне зависимости от их социального положения.

Список литературы

1. Высочайше утвержденные «Основные государственные законы» от 23 апреля 1906 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1906. Отд. 1. № 98. Ст. 603.
2. Свод законов Российской империи. Т. I. Ч. 1. Свод основных государственных законов. Спб., 1906. С. 5–63.
3. Высочайший манифест «Об изменениях Учреждения Государственного Совета и пересмотре Учреждения Государственной Думы» от 20 февраля 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. XXVI. № 27423.
4. Высочайший манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. XXV. № 26803.
5. Именной высочайший указ Правительствующему Сенату «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов» от 17 октября 1906 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1906. Отд. 1. № 198. Ст. 1643.
6. Именной высочайший указ Правительствующему Сенату «О временных правилах для неповременной печати» от 26 апреля 1906 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1906. Отд. 1. № 107. Ст. 637.
7. Именной высочайший указ Правительствующему Сенату «О временных правилах о собраниях» от 4 марта 1906 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1906. Отд. 1. № 48. Ст. 309.
8. Именной высочайший указ Правительствующему Сенату «О временных правилах об обществах и союзах» от 4 марта 1906 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1906. Отд. 1. № 48. Ст. 308.
9. Именной высочайший указ Правительствующему Сенату «Об изменении положения о выборах в Государственную Думу» от 11 декабря 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. XXV. № 27029.
10. Именной высочайший указ Правительствующему Сенату «О временных правилах о повременных изданиях» от 24 ноября 1905 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1905. Отд. 1. № 226. Ст. 1879.
11. Свод законов Российской империи. Т. 1. Ч. 1. Основные государственные законы. Спб., 1892. С. 1–40.
12. Конституционная хартия Пруссии (31 января 1850 г.) // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. Англия, США, Франция, Италия, Германия: сб. документов / под ред. проф. П.Н. Галанзы. М.: Госюриздат, 1957. С. 548–558.
13. Французская Хартия (1814 г.) // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. Англия, США, Франция, Италия, Германия: сб. документов / под ред. проф. П.Н. Галанзы. М.: Госюриздат, 1957. С. 324–340.
14. Башаратьян М.К. Свобода мысли: правовой анализ // Право и политика. 2007. № 1. С. 18–25.
15. Васильева Н.И., Гальперин Г.Б., Королев А.И. Первая российская революция и самодержавие. (Государственно-правовые проблемы). Л.: Изд-во ЛГУ, 1975.
16. Великий князь Александр Михайлович: Книга воспоминаний / предисл. и коммент. А. Виноградова. М.: Современник, 1991.
17. Виноградов В.В. Механизм реализации избирательных прав российских подданных в начале XX века // Вестник Волжского института экономики, педагогики и права: сб. науч. тр. Сер. 4: Право. Вып. 2 / редкол. Г.Ф. Ушамирская и др. Волгоград: ВА МВД России, 2006. С. 166–173.
18. Виноградов В.В. Права человека в России в начале XX века // Ученые записки (выпуск шестой). Волгоград: Изд-во Волгогр. ин-та экономики, социологии и права, 2005. С. 8–15.
19. Виноградов В.В. Указное регулирование политических прав российских подданных в начале XX века // Права человека и проблемы безопасности общества и личности в современной России: материалы II межрегион. науч.-практ. конф. Волгоград, 4–5 дек. 2008 г. / Волгогр. ин-т бизнеса. Волгоград: ПринТерра, 2009. С. 58–62.
20. Витте С.Ю. Избранные воспоминания. 1849–1911 гг. М.: Мысль, 1991.
21. Гессен В. Самодержавие и манифест 17 октября // Полярная звезда. 1906. № 9. С. 623–634.
22. Дзидзоев Р.М. Первый конституционный документ России // Государство и право. 1997. № 6. С. 110–114.
23. История политических партий России: учебник для студ. вузов, обучающихся по спец. «История» / Н.Г. Думова, Н.Д. Ерофеев, С.В. Тюкавкин [и др.]; под ред. А.И. Зевелева. М.: Высш. шк., 1994.
24. Кистяковский Б.А. Государственное право (общее и русское) // Кистяковский Б.А. Философия и социология права / сост., примеч., указ. В.В. Сапова. СПб.: РХГИ, 1999. С. 417–571.
25. Корелин А.П., Степанов С.А. С.Ю. Витте – финансист, политик, дипломат. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 1998.
26. Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 1. Конституционное право; 2-е изд. Спб.: Типография «Слово», 1910.

27. Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762–1914. М.: Русский путь – Полиграфресурсы, 1995.
28. Нечаев В.М. Манифест 17-го октября и форма правления // Полярная звезда. 1906. № 4. С. 291–294.
29. Пажитнов К. К вопросу о русской конституции // Образование. 1907. № 12. С. 95–98.
30. Степанский А.Д. Институциональная структура русского либерализма (XVIII – начало XIX в.) // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы: материалы Междунар. науч. конф. Москва, 27–29 мая 1998 г. / отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 1999. С. 169–184.
31. Туманова А.С., Безрученков М.В. Идеи правовой государственности в воззрениях Б.А. Кистяковского // История государства и права. 2014. № 2. С. 33–40.
32. Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920 год. М.: Новости, 1990.
- * * *
1. Vysochajshe utverzhdennye «Osnovnye gosudarstvennye zakony» ot 23 aprelja 1906 g. // Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij pravitel'stva. 1906. Otd. 1. № 98. St. 603.
2. Svod zakonov Rossijskoj imperii. T. I. Ch. 1. Svod osnovnyh gosudarstvennyh zakonov. Spb., 1906. S. 5–63.
3. Vysochajshij manifest «Ob izmenenijah Uchrezhdenija Gosudarstvennogo Soveta i peresmotre Uchrezhdenija Gosudarstvennoj Dumy» ot 20 fevralja 1906 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 3-e. T. XXVI. № 27423.
4. Vysochajshij manifest «Ob usovershenstvovanii gosudarstvennogo porjadka» ot 17 oktjabrja 1905 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 3-e. T. XXV. № 26803.
5. Imennoj vysochajshij ukaz Pravitel'stvujshemu Senatu «O porjadke obrazovaniya i dejstvija staroobryadcheskih i sektantskih obshhin i o pravah i objazannostjah vkhodjashhih v sostav obshhin posledovatelej staroobryadcheskih soglasij i otdelivshijsja ot pravoslavija sektantov» ot 17 oktjabrja 1906 g. // Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij pravitel'stva. 1906. Otd. 1. № 198. St. 1643.
6. Imennoj vysochajshij ukaz Pravitel'stvujshemu Senatu «O vremennyh pravilah dlja nepovremennoj pečhati» ot 26 aprelja 1906 g. // Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij pravitel'stva. 1906. Otd. 1. № 107. St. 637.
7. Imennoj vysochajshij ukaz Pravitel'stvujshemu Senatu «O vremennyh pravilah o sobranijah» ot 4 marta 1906 g. // Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij pravitel'stva. 1906. Otd. 1. № 48. St. 309.
8. Imennoj vysochajshij ukaz Pravitel'stvujshemu Senatu «O vremennyh pravilah ob obshhestvah i sojuzah» ot 4 marta 1906 g. // Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij pravitel'stva. 1906. Otd. 1. № 48. St. 308.
9. Imennoj vysochajshij ukaz Pravitel'stvujshemu Senatu «Ob izmenenii položeniya o vyborah v Gosudarstvennuju Dumu» ot 11 dekabrja 1905 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 3-e. T. XXV. № 27029.
10. Imennoj vysochajshij ukaz Pravitel'stvujshemu Senatu «O vremennyh pravilah o povremennyh izdaniyah» ot 24 nojabrja 1905 g. // Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij pravitel'stva. 1905. Otd. 1. № 226. St. 1879.
11. Svod zakonov Rossijskoj imperii. T. 1. Ch. 1. Osnovnye gosudarstvennye zakony. SPb., 1892. S. 1–40.
12. Konstitucionnaja hartija Prussii (31 janvarja 1850 g.) // Konstitucii i zakonodatel'nye akty burzhuznyh gosudarstv XVII–XIX vv. Anglija, SShA, Francija, Italija, Germanija: sb. dokumentov / pod red. prof. P.N. Galanzy. M.: Gosjurizdat, 1957. S. 548–558.
13. Francuzskaja Hartija (1814 g.) // Konstitucii i zakonodatel'nye akty burzhuznyh gosudarstv XVII–XIX vv. Anglija, SShA, Francija, Italija, Germanija: sb. dokumentov / pod red. prof. P.N. Galanzy. M.: Gosjurizdat, 1957. S. 324–340.
14. Basharat'jan M.K. Svoboda mysli: pravovoj analiz // Pravo i politika. 2007. № 1. S. 18–25.
15. Vasil'eva N.I., Gal'perin G.B., Korolev A.I. Pervaja rossijskaja revoljucija i samodержавие. (Gosudarstvenno-pravovye problemy). L.: Izd-vo LGU, 1975.
16. Velikij knjaz' Aleksandr Mihajlovich: Kniga vospominanij / predisl. i komment. A. Vinogradova. M.: Sovremennik, 1991.
17. Vinogradov V.V. Mehanizm realizacii izbiratel'nyh prav rossijskih poddannyh v nachale HH veka // Vestnik Volzhskogo instituta jekonomiki, pedagogiki i prava: sb. nauch. tr. Ser. 4: Pravo. Vyp. 2 / redkol. G.F. Ushamirskaja i dr. Volgograd: VA MVD Rossii, 2006. S. 166–173.
18. Vinogradov V.V. Prava cheloveka v Rossii v nachale XX veka // Uchenye zapiski (vypusk šestoj). Volgograd: Izd-vo Volgogr. in-ta jekonomiki, sociologii i prava, 2005. S. 8–15.
19. Vinogradov V.V. Ukaznoe regulirovanie politicheskijh prav rossijskih poddannyh v nachale XX veka // Prava cheloveka i problemy bezopasnosti obshhestva i lichnosti v sovremennoj Rossii: materialy II mezhtregion. nauch.-prakt. konf. Volgograd, 4–5 dek. 2008 g. / Volgogr. in-t biznesa. Volgograd: PrinTerra, 2009. S. 58–62.
20. Vitte S.Ju. Izbrannye vospominanija. 1849–1911 gg. M.: Mysl', 1991.
21. Gessen V. Samoderzhavie i manifest 17 oktjabrja // Poljarnaja zvezda. 1906. № 9. S. 623–634.

22. Dzidzoev R.M. Pervyj konstitucionnyj dokument Rossii // Gosudarstvo i pravo. 1997. № 6. S. 110–114.

23. Istorija politicheskich partij Rossii: uchebnik dlja stud. vuzov, obuchajushhij po spec. «Istorija» / N.G. Dumova, N.D. Erofeev, S.V. Tjukavkin [i dr.]; pod red. A.I. Zeveleva. M.: Vyssh. shk., 1994.

24. Kistjakovskij B.A. Gosudarstvennoe pravo (obshhee i russkoe) // Kistjakovskij B.A. Filosofija i sociologija prava / sost., primech., ukaz. V.V. Sapova. SPb.: RHGI, 1999. S. 417–571.

25. Korelin A.P., Stepanov S.A. S.Ju. Vitte – finansist, politik, diplomat. M.: TERRA – Knizhnyj klub, 1998.

26. Lazarevskij N.I. Lekcii po russkomu gosudarstvennomu pravu. T. 1. Konstitucionnoe pravo; 2-e izd. Spb.: Tipografija «Slovo», 1910.

27. Leontovich V.V. Istorija liberalizma v Rossii. 1762–1914. M.: Russkij put' – Poligrafresursy, 1995.

28. Nechaev V.M. Manifest 17-go oktjabrja i forma pravlenija // Poljarnaja zvezda. 1906. № 4. S. 291–294.

29. Pazhitnov K. K voprosu o russoj konstitucii // Obrazovanie. 1907. № 12. S. 95–98.

30. Stepanskij A.D. Institucionnaja struktura russkogo liberalizma (XVIII – nachalo XIX v.) // Russkij liberalizm: istoricheskie sud'by i perspektivy: materialy Mezhdunar. nauch. konf. Moskva, 27–29 maja 1998 g. / otv. red. V.V. Shelohaev. M.: ROSSPJeN, 1999. S. 169–184.

31. Tumanova A.S., Bezruchenkov M.V. Idei pravovoj gosudarstvennosti v vozzrenijah B.A. Kistjakovskogo // Istorija gosudarstva i prava. 2014. № 2. S. 33–40.

32. Shul'gin V.V. Gody. Dni. 1920 god. M.: Novosti, 1990.

Manifesto dated October, 17: juridical nature and contents (from the history of the Russian constitutionalism)

There is considered the issue of the manifesto dated October, 17, 1905 in the system of the juridical acts of the monarchic Russia. There is determined its lawmaking power for the constitutional legislation of Russia in the beginning of the XX century.

Key words: *Basic state laws, human rights, constitutionalism, constitution, manifesto, civil liberties, the Emperor, the State Duma.*

(Статья поступила в редакцию 5.06.2015)

С.А. ФЕДИН, Е.Г. ТИМОФЕЕВА
(Астрахань)

СОДЕРЖАНИЕ И ОХРАНА ВОЕННОПЛЕННЫХ: ОПЫТ МИРОВЫХ ВОЙН (на материалах астраханского региона)*

Продолжается тема военного плена, начатая в предыдущих публикациях. Проводится сравнительный анализ содержания и охраны военнопленных на территории нашей страны, исходя из опыта мировых войн. Исследуется проблема создания оптимального режима содержания военнопленных, создающего условия для изоляции контингента, охраны и обороны объектов и исключаящего возможность побега.

Ключевые слова: *Первая мировая война, Вторая мировая война, охрана, режим содержания, военнопленные, лагерь, лагерное отделение.*

Проблема организации оптимального режима содержания военнопленных, создающего условия для изоляции контингента, охраны и обороны объектов и исключаящего возможность побега, являлась одной из основных для руководства лагерей. Она рассматривалась и решалась как на государственном, так и на местном уровне. Режим содержания и охраны регулировался целой серией приказов, инструкций и предписаний. Но в периоды мировых войн вопросы содержания и охраны решались по-разному. Возросла ли эффективность охраны иностранных военнопленных в зависимости от уровня развития национального права и организационной структуры с учетом опыта содержания контингента в ходе предыдущих военных конфликтов?

Мы рассмотрим эту проблему на примере астраханского региона, который был местом ссылки военнопленных как в Первую, так и во Вторую мировую войну.

Уже через месяц после начала Первой мировой войны астраханцы из газет узнали, что первая партия из 411 военнопленных прибыла в город на пароходе. Их разместили в ночлежке 1-го полицейского участка, а пленных

* Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-01-00416 «Трагедия плена в мировых войнах: политико-правовые, социально-экономические, культурно-коммуникационные аспекты (на материалах астраханского региона)».